

А.И. Селин

**Карамзин и его
предшественники**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

А11 **А.И. Селин**
Карамзин и его предшественники / А.И. Селин – М.: Книга по Требованию,
2015. – 85 с.

ISBN 978-5-458-06784-3

Рассуждение, представленное в I Отделение Философского факультета С.-Петербургского университета А. Селиным для получения степени магистра русской словесности.

ISBN 978-5-458-06784-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Въ древнемъ періодѣ наша Литература подавала свѣтлыя надежды на будущее; въ началѣ XIII столѣтія мы встрѣчаемъ много памятниковъ, въ которыхъ выражаются основныя черты жизни : Духовное Краснорѣчіе представляетъ превосходные образцы, начиная отъ острога, разговорнаго изложенія истины христіанскихъ, до рѣчей въ высокой степени изящныхъ. Наблюдательный читатель безъ труда открываетъ въ нихъ общее стремленіе постигнуть духъ высшаго ученія, объяснить глубокий смыслъ его и примѣнить къ современнымъ вопросамъ жизни. Историческія сказанія широкимъ потокомъ расходятся по всѣмъ предѣламъ Руси : Лѣтописи, описанія путешествій и легенды отличаются религіознымъ направленіемъ. Не одинъ отшельническій взглядъ останавливается на себѣ наше вниманіе ; мы знакомимся съ воззрѣніемъ другихъ представителей : нравственно-религіозный и практическій взглядъ на жизнь ярко выразился въ заветѣ мудраго Князя ; всѣ его требованія — истины, вынесенныя изъ жизни, оправданныя дѣйствительностію ; въ небольшихъ отрывкахъ и пословицахъ не дѣя не замѣтить игры острога и живаго ума, наклонности сатирической ; поэтическое изображеніе народнаго духа и событій находимъ въ драгоценной Лирической Поэмѣ. Въ народѣ развивается лирическая стихія ; на зарѣ своей жизни онъ отзывается пѣснію ; имѣя основаніе свое въ глубинѣ духа, природѣ его, она не могла быть позднѣйшимъ явленіемъ , безъ сомнѣнія существовада въ незапамятное время. Все это обѣщало болѣе развитіе , на пути котораго, такъ счастливо начатаго , насъ поражаетъ неслыханное бѣдствіе. Съ этого времени Литература наша становится

исключительно религіозной, иногда занимается болѣе буквою, нежели смысломъ; въ рѣчахъ, посланіяхъ, движеніи аскетическаго духа до отдаленнѣйшихъ и пустынныхъ мѣстъ, не лѣзя не замѣтитъ упорной борьбы внутренней силы съ несчастіями, существованіе которыхъ почти не вѣроятно. Татары—главная, дальнѣйшія бѣдствія—вторая причина стихійнаго характера нашей Словесности до XVIII вѣка. Россія, разсматриваемая съ нравственной стороны, предоставлена самой себѣ, отличается исключительностію, однообразіемъ, выходитъ изъ сосредоточеннаго состоянія единственно на защиту и борьбу, и то съ внѣшними непріязненными силами, не вступая въ умственное соприкосновеніе. хотя часто изъявляла на это искреннее желаніе. Этотъ характеръ исключительности и однообразія остался въ письменныхъ памятникахъ; что Россія представляла въ началѣ XIII в., къ тому почти ничего не прибавилось въ новомъ родѣ. Между тѣмъ, прошло менѣе столѣтъ, какъ у насъ является множество произведеній во всѣхъ возможныхъ родахъ и видахъ. Чѣмъ же объясняется такая очевидная несообразность?

Періодъ образовательный, утварь зданія, начинается съ Петра Великаго, свѣтила, благотворные лучи котораго проникли въ сокровенныя вѣдра государства, произвели болѣзненное потрясеніе и пробудили въ немъ эжидительныя силы: на новой Россіи лежитъ печать его генія. Онъ расширилъ тотъ тѣсный кругъ, въ которомъ заключалось наше отечество; занимая средину великихъ крайностей, Россія, подвигнутая мыслию Петра, выходитъ изъ своего уединеннаго, замкнутаго состоянія, видимо наклоняется къ западу и вступаетъ въ непрерывное прикосновеніе съ образованными странами. Для объясненія новыхъ явленій нашей Словесности, должно обратиться къ Европѣ, примыкающей въ это время къ золотому вѣку Людовика XIV. На горизонтѣ Италіи, Испаніи и Англіи, озаренномъ величественнымъ свѣтомъ искусства, ярко горятъ великія свѣтила, затмѣвающія собою Францію и всю остальную Европу; творческія силы ихъ находятся въ высочайшемъ напряженіи; имъ будетъ нуженъ продолжительный покой, и въ концѣ XVII вѣка, взоры Европы съ изумленіемъ обращаются на Францію. Писателей Италіи порицають уже за безвкусіе и холодность; они заклеймены укоризненнымъ названіемъ *Seicentisti*, и послѣ несутъ на себѣ вліяніе Французскаго вкуса: Англія почувствовала

тоже влеченіе, хотя гевій Шакспира, въ слѣдующемъ столѣтіи, силою своего могущества увлекаетъ Французовъ противъ ихъ воли. Германія не представляла ничего особеннаго въ области искусства. — Буало углубился въ древность, жадно изучаетъ Аристотеля; невѣрно толкуя своего учителя, онъ однако пишетъ теорію поэзіи; и Франція становится законодательницею вкуса. Корнель и Расинъ читаютъ изящныя созданія Греціи и Рима, невольно поражаются мужественною красотою героевъ древности, высотой котурна, совершенствомъ художественной оконченности. Но плѣняясь ими, они поступили неосторожно и самовольно; егладили ихъ величавыя черты, обратили въ героевъ Европейскихъ, облекли въ романтическую одежду и едва не сравнивали съ представителями утонченнаго двора Людовика XIV. Съ другой стороны, они ошиблись только въ томъ, что исказили чуждую имъ народность, но глубоко понимали человѣческую природу, щедро были одарены творческими силами. Одинъ остался вѣрнымъ и неукоризненнымъ, глубокій наблюдатель развращенныхъ нравовъ своего времени, общественной жизни всѣхъ классовъ народа, особенно низшаго, образовавшій свой гевій изученіемъ Плавта, Теренція и комиковъ Итальянскихъ. Это — Мольеръ, писатель въ высшей степени народный. — Позднѣе, въ XVIII в., этотъ произволъ достигъ до крайности. Принявъ мѣрилою совершенства современныя идеи и нравы, они считали высшею необходимостію покорить все господствовавшему вкусу и направленію, наложии этотъ законъ на всѣ произведенія человѣческаго духа, не признавая ничего прекраснымъ, что было внѣ этихъ условій, называя все чуждое варварскимъ и дикимъ. Оттого всѣ герои напоминаютъ древность по одному названію, въ сущности они Французы. Тотъ же самый произволъ господствовалъ на сценѣ: снявши съ Бахуса львиную кожу, они облекли въ нее Татаръ и Скивовъ, являвшихся иногда полутиграми; Ахиллесъ выступаетъ на сцену съ каскою на головѣ, съ напудренными волосами и въ платьѣ маркиза; Клитемнестра наряжается въ фижмы, Августъ является во фракѣ темнокраснаго цвѣта; царственныя женщины Римскія, Французскія и Польскія, не смотря на различіе времени и народа, являлись на сценѣ въ одинаковой одеждѣ, въ платьяхъ обшитыхъ галунами, и долманѣ, мантіи пурпуровой, синей или зеленой. Прическа на головѣ представляла видъ зданія. Такъ

являлись на сцену Медея, Корнелия, Меропа и Клеопатра; спустя долгое время, Вестрись, представляя Федру, выходит во французской прическѣ и алмазахъ.

Живое, энергическое участіе въ современныхъ событіяхъ, сочувствіе къ требованіямъ общества, даръ предугадывать важные вопросы времени, неумѣренное желаніе скорѣе рѣшить ихъ, вотъ черты, отличающія Францію отъ всѣхъ народовъ. Оттого Словесность Французская была всегда самою вѣрною картиною общественнаго состоянія; послѣднее подвергалось частымъ перемѣнамъ, и потому трудно встрѣтить въ литературѣ другого народа противоположности, взаимно смѣнявшіяся во Франціи. Людовикъ XIV превосходно высказалъ характеръ своего времени въ извѣстномъ выраженіи: *l'état c'est moi*; государь того же имени XVI не могъ этого сказать; онъ далъ бы половину царства за то, чтобы *l'état* не узнало его. Проповѣдники поставляютъ истинное совершенство человѣка въ безотчетномъ и слѣпомъ повиновеніи религіи и долгу; писатели XVIII вѣка, вмѣсто покорности религіозной, проповѣдуютъ философію скептическую, отразившуюся въ неосновательномъ и разрушительномъ ученіи энциклопедистовъ (*). Поэты XVII в. изучали классическую Словесность, невольно придали древнимъ героямъ свои, чуждые свойства; въ слѣдующемъ столѣтіи уже не столько заботились о древности. Вольтера превозносятъ за довершенію идеаловъ Греціи; во мнѣніи Франціи онъ неизмѣримо выше Софокла; ибо послѣдній слишкомъ простъ, часто грубъ. Плохо истолковавъ величавую простоту древняго идеала, XVIII вѣкъ подражалъ ему въ образцахъ XVII, слѣдовательно уже отпавшихъ; тогда герой античный, ни сколько себя не стѣсняя, могъ явиться посреди гостиной. Этотъ исключительный, односторонній взглядъ поставилъ ихъ въ самый ограниченный кругъ понятій объ искусствѣ; истинной природы послѣдняго они не постигли; вотъ почему властитель общественнаго мнѣнія, Вольтеръ, называетъ великихъ Испанскихъ драматиковъ сумасшедшими, и нещадно бранить себя за то, что первый началъ говорить съ удивленіемъ о грубѣйшемъ мужикѣ, Шекспирѣ. Тогда же представители теоріи даютъ строгое заклѣтье не изображать картинъ низкихъ и, нельзя же замѣтить поразительнаго противо-

(*) Villemain, l'histoire de la litt. du XVIIIe siècle.

рѣчія, въ настоящее время, онѣ на первомъ мѣстѣ. Прежде они совлекли дѣвственную музу съ священной горы, восхищались навязанными ей странными, утонченными приѣмами, которые искажали ее; а теперь, снявши съ нея дѣвственный поясъ, влечать ее по всеѣмъ буйнымъ скопищамъ, и поруганная богиня часто сидитъ за пьянымъ пиромъ, среди нечестивой толпы. — Двигателемъ и душою литературы было общество; въ немъ царствовало остроуміе и игривость, свойства, которыми блисталъ Вольтеръ; на Олимпѣ должно было проходить чрезъ гостиную; безъ этой жертвы трудно было вступить на путь славы. Вотъ что господствовало въ Литературѣ Французской XVII и XVIII в., а это было почти тоже, что въ Европѣ. Сколько чуждаго, несообразнаго съ нашимъ духомъ должно было войти въ отечественное образованіе! Стоя на порогѣ новаго міра, открываго Петромъ Великимъ, что мы могли принять, кромѣ формъ и образцовъ, передъ которыми еще дымился оумомъ удивленія?

Въ началѣ XVIII в., остается неприкосновеннымъ и самобытнымъ Духовное Краснорѣчіе; оно не измѣнило своего существеннаго характера, постоянно имѣло предметомъ направленіе человѣческой воли къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ, развитіе божественнаго начала въ нашей природѣ, образованіе духовнаго человѣка. Съ другой стороны, въ немъ выразились весьма замѣтно явленія новой жизни, гражданской. Петръ былъ окруженъ тремя лицами, имъ же вызванными на поле дѣятельности, и въ разной степени ему содѣйствовавшими: вотъ основаніе краснорѣчія политическаго. Не должно терять изъ вида и того, что непросвѣщенный народъ, враждебный духу Петра, слышалъ въ храмѣ слова, исполненные восторженныхъ о немъ похвалъ: въ этомъ значеніи должно понимать согласіе проповѣдниковъ съ Государемъ. Всѣ они вращаются около царственнаго генія, слѣдуютъ за всеѣми творческими замыслами; дѣла его — тайна ихъ одушевленія. Болѣе всѣхъ сочувствуетъ Преобразователю *Феофанъ*; рѣзко отличается онъ обширнымъ умомъ, силою мысли; онъ необходимъ для историка; рѣчи его, кромѣ ораторскаго достоинства, представляютъ глубокое, основательное обозрѣніе возраста государства. За нимъ слѣдуетъ *Яворскій*, не имѣющій всесторонняго и обширнаго ума *Феофана*, уступающій ему въ силѣ и полнотѣ мыслей; въ замѣнъ этого, въ немъ господствуютъ сила воображенія, хотя онъ не мо-

жетъ иногда совладѣть съ картиною, не выдерживаетъ характера до такой степени, что къ его рѣчамъ весьма идетъ известное изрѣченіе : отъ величественнаго до смѣшнаго одинъ только шагъ. *Бужинскій* отличается спокойнымъ движеніемъ чувства. Всѣ они заимствуютъ сравненія и подобія изъ природы человеческой жизни, изъ всѣхъ почти наукъ, даже изъ міеологіи. Мимо этихъ достоинствъ, весьма замѣтна Латинская ученость, изуродованная схоластикой, и ораторы говорятъ иногда чрезвычайно странно. Въ это же время началъ дѣйствовать трудолюбивый ученый, едва ли заслуженно обреченный на посмѣяніе поколѣній, *Тредьяковскій*. — Онъ первый мыслилъ о чистотѣ Русскаго языка, почиталъ необходимымъ переводить лучшихъ писателей, жаловался на недостатокъ хорошей Граматики, Лексикона, Реторики и науки Стихотворной; чрезвычайно вѣрно угадалъ духъ Русскаго метра, и обнаружилъ весьма правильныя понятія въ сочиненіи своемъ: Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще (*). Къ несчастію, этотъ человѣкъ, рѣдкій по учености и образованію, самъ себя поражаетъ собственнымъ оружіемъ; не имѣя ни сколько эстетическаго вкуса, онъ оставилъ горькій примѣръ заблужденія въ своемъ призваніи : вотъ отъ чего ученость его не произвела ни какого плода. Онъ заслонилъ совершеннымъ безобразіемъ все, что въ немъ было хорошаго, и никто уже не хотѣлъ подозрѣвать истинныхъ заслугъ его, издѣвался надъ тѣмъ, что дѣйствительно было смѣшно и безобразно.

(*) Стихъ я уподоблю краскѣ, употребленной на живопись; что изображено краскою весьма есть различно отъ нея; равно и поэзія всеконечно есть не стихъ : сей есть краска, а поэзія какъ изображенное ею. Много есть мнѣній о первоначальной поэзіи, а о началѣ стиха почти нѣтъ ни единого. Поэзію называютъ стихотвореніемъ, хотя прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобы стихи составлять, но чтобы *творить, вымышлять и подражать*. Твореніе есть расположеніе вещей послѣ оныхъ избранія; вымышленіе есть изобрѣтеніе возможностей, т. е. не такое представленіе дѣяній, каковыя они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ или должныствуютъ : а подражаніе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ. Всякъ видитъ, что стихъ есть все не то : твореніе, вымышленіе и подражаніе есть душа и жизнь поэмъ, но стихъ есть языкъ оной. Поэзія есть внутреннее въ тѣхъ трехъ, а стихъ токмо наружное. Можно творить вымышлять и подражать прозою, и можно представлять истинныя дѣйствія стихами.

Была одна сторона въ жизни нашего народа, ярко себя обозначающаяся при столкновении съ Европою, необходимая встрѣча и борьба просвѣщенія съ невѣжествомъ. — Ее превосходно постигъ *Кантемиръ*, и не могъ не видѣть особенно потому, что былъ тонкій наблюдатель отъ природы, и былъ хорошо знакомъ съ нравами и жизнію Европейскихъ народовъ. Съ призваніемъ истинно поэтическимъ онъ соединилъ многостороннее образование и показалъ свою художественную свободу: не подражалъ рабски гениальнымъ писателямъ, но изучалъ ихъ, и если заимствовалъ отъ нихъ многое, за то не терялъ своей личности. Въ произведеніяхъ Кантемира замѣчательно столкновение степеннаго ума, требовательной мысли съ закоснѣлымъ невѣжествомъ, которое онъ безъ пощады бичуетъ, и такъ живописно изображаетъ. Кантемиръ замѣчателенъ и потому, что весьма ясно, въ противоположность Тредьяковскому, сознавалъ свое призваніе, выражался о себѣ такъ, какъ выразился бы лучший и безпристрастный критикъ. Онъ отказывается отъ другихъ своихъ произведеній, говоритъ, что онъ рожденъ пятнать злые нравы и обычаи. *Оеофанъ Прокоповичъ* называетъ его трикраты блаженнымъ и разрушителемъ злонаправныхъ обычаевъ. Въ немъ впервые является Европейскій человѣкъ, и зародышъ самобытнаго направленія. Всю первую половину этого столѣтія вѣнчаетъ собою мужъ великій, призванный совершить преобразование и положить начало новымъ явленіямъ, *Ломоносовъ*. — Онъ дѣйствуетъ на всѣхъ путяхъ образованія: увлекаетъ даромъ слова, смѣлою рукою ударяетъ по струнамъ лиры, становится историкомъ, филологомъ и глубокимъ испытателемъ природы. Увидѣвши кругомъ себя пустыню, этотъ всеобъемлющій умъ, усиленный разнообразными свѣдѣніями, со всей энергіей воли началъ сѣять всюду, устремился на всѣ стороны, брался за все, и во всемъ былъ выше всѣхъ; ибо никого не признавалъ совершеннѣйшимъ себя. Предъявляя такія великія требованія, выступая съ рѣшимостію осуществить ихъ, онъ представляетъ собою истинное подобіе Петра. Подобно великому гению, своему предшественнику, онъ разорвалъ тѣсные предѣлы и открылъ входъ народному уму въ храмъ наукъ и искусства. Каждая дѣятельность Ломоносова, разсматриваемая съ такой точки, заслуживаетъ глубокое уваженіе потомства. Слѣдуя за нимъ на всѣхъ путяхъ, не трудно опредѣлить, въ чемъ состояло его при-

звание : творческая сила ума обнаружилась въ наукахъ естественныхъ , видна гениальность въ собственныхъ началахъ , въ праведномъ состязаніи съ великими Европейскими учеными ; видимо возвышаясь надъ всѣми соотечественниками, онъ былъ выше многихъ иностранныхъ современниковъ. Ломоносовъ — глубокомысленный теоретикъ, всюду является одушевленнымъ ораторомъ ; рѣчь его раздается въ ширину, исполнена благозвучія. — Последнею способностію онъ поразилъ Ф. Визина, встрѣтившись съ нимъ въ первый разъ у Шувалова. Но смѣемъ утверждать, что въ Литературѣ въ немъ не было генія творческаго; эта сила посягала на открытія , но не обнаружила производительности въ искусствѣ. Оттого всѣ произведенія поэтическія можно назвать покушеніемъ, не оскорбляющимъ изящнаго чувства, но не вѣчнымъ, не образцовымъ. Изъ силъ эстетическихъ онъ обладаетъ вкусомъ, удивительно правильнымъ; открылъ новый свѣтъ, музыку народнаго стиха; довольно одного взгляда на то время, чтобы объяснить себѣ неописанное дѣйствіе первой его оды, на соотечественниковъ: она явилась только черезъ пять лѣтъ послѣ чудовищнаго созданія Тредьяковскаго: На здачу города Гданска (1734). Вотъ причина того очарованія, въ которое онъ погрузилъ современниковъ; думаемъ, что Петріада, особенно трагедіи его, едва ли имѣли вліяніе на подражателей; приписываемъ его исключительно одамъ; потому что поэма его явилась гораздо позже (1760) и не нашла ни одного подражателя, а трагедіи за годъ до смерти (1764), когда Сумароковъ породилъ ихъ цѣлое семейство, и былъ уже директоромъ театра (1756), еще до существованія трагедіи Ломоносова. Самъ онъ, прежде личный врагъ, шелъ за его гробомъ, великодушно оставилъ враждебное чувство и признавалъ его Пиндаромъ нашихъ странъ. Ломоносовъ есть представитель ума, знанія и образованія всей половины XVIII столѣтія; онъ Европейскій ученый, всецѣло сохранившій въ себѣ народную личность; въ немъ выразилась сила Русскаго духа, и неизвѣстно чья вина, что послѣдователи его пошли совсѣмъ не по той дорогѣ, по которой должно было идти. Какъ Орфей, онъ увлекъ ихъ музыкальнымъ стихомъ; никто не подумалъ о содержаніи его одъ; за этой музыкой они зашли туда, гдѣ былъ самъ ихъ учитель, частію по необходимости, частію по непризнанію.

И такъ ученики Ломоносова, очарованные благозвучіемъ и

силою его стиховъ , приняли за образецъ оды и безусловно послѣдовали его приѣмамъ , не отдавъ себѣ ни какого отчета. Достоинствъ Ломоносова они не имѣли, исказили все, что въ немъ было хорошаго, расплодили единственно ошибки. Онъ былъ совершенный художникъ въ искусствѣ соединять слова Священнаго языка съ Русскими, умѣлъ влить въ нихъ музыкальность и силу, какъ замѣчено выше; недостатокъ состоялъ въ обильномъ количествѣ общихъ мѣстъ; торжественныя оды его — похвальная рѣчь въ стихахъ; поставишь его рядомъ съ Державинимъ, и невольно спрашиваешь, куда дѣвалась эта личность, съ такою рѣзкою опредѣленностію выставляющаяся во всѣхъ другихъ случаяхъ. *Петровъ* стоитъ въ совершенной противоположности по своему несчастному языку, весьма неправильному и столько же неблагозвучному; *Костровъ* весь наполненъ общими мѣстами, употребилъ притомъ во зло свободу своего учителя; не имѣя искусства образовать такой же языкъ, онъ началъ безъ разбора составлять выраженія изъ обоихъ нарѣчій, потерялъ простоту и впалъ въ нестерпимую высокопарность, которая особенно возмутительна въ переводѣ Гомера, иногда примиряетъ въ Оссіанѣ. Совершенно другое направленіе встрѣчаемъ въ поэзіи *Боброва*, напитаннаго чтеніемъ Англійскихъ писателей; онъ переводилъ изъ Поэ, Драйдена, сочинялъ и торжественныя оды; но господствующая страсть его состояла въ стремленіи изображать природу въ ея независимости; для поясненія укажемъ на цѣлую поэму его, Херсониду, или картину лучшаго лѣтняго дня въ Херсонисѣ Таврическомъ. Въ поэзіи Боброва природа существуетъ, какъ выражаются Нѣмцы, für sich.

Рядомъ съ Ломоносовымъ является безусловное подражаніе, которое къ несчастію распространяется быстро, и приноситъ тощіе, горькіе плоды. Когда Ломоносову было семь лѣтъ, родился *Сумароковъ*, употребившій весь свой талантъ на созданіе бездушныхъ идоловъ, принесшій ихъ въ жертву боготворимому классицизму. Въ немъ обнаружилось болѣзненное начало подражанія въ огромномъ размѣрѣ и было усилено хвалою ложнаго вкуса. Важная ошибка этого дарованія состояла въ безусловномъ боготвореніи Корнеля, Расина и Вольтера, въ совершенномъ отрицаніи своей личности; вторая лежала въ обществѣ, которое ставило его на ряду съ лучшими Французскими траги-

ками, почитало совершенствомъ, уполномоченное безъ сомнѣннѣйшаго диктаторскимъ приговоромъ Фернейскаго пустынножита. Весьма любопытно знать, какъ судили о немъ современники; образованный писатель того времени, Новиковъ, говоритъ въ своемъ Словарѣ, что Сумароковъ заслужилъ названіе Сѣвернаго Расина: «его эклоги равняются знающими людьми съ Virgilіевыми, и поднесъ остались неподражаемыми; а притчи почитаются сокровищемъ Россійскаго Парнасса; и въ семь родѣ стихотворенія далеко превосходитъ онъ Федра и де ла Фонтена.»

Единственное слѣдствіе, само собою выходящее отсюда, всеобщее искаженіе вкуса, которое было тѣмъ болѣе опасно, что послѣдній не установился. Чрезвычайно занимательно сравнить заимствованныя произведенія наши съ Французскими: ничѣмъ не лѣзя искупить безчисленныя ошибки, которыми обременены первыя. Тамъ все, достоинства и самые недостатки имѣютъ свое разумное основаніе, проистекаютъ изъ общественнаго духа, изъ господствующихъ мыслей вѣка. Поставивъ передъ собою древній міръ, оставивши за его героями Греческія и Римскія названія, Французскіе поэты не могли отдѣлаться отъ современныхъ понятій, или вовсе не хотѣли, въ сознаніи своего превосходства передъ другими народами. Наши трагики, выступая рабски по ихъ слѣдамъ, должны были поступить совершенно наоборотъ. Чуждое, заимствованное содержаніе изъ древняго міра, у Французовъ потеряло природное значеніе; они сообщали ему свое, и соотечественники могли сочувствовать этимъ лицамъ; мы, страшаясь потерять изъ вида и путь великихъ учителей и образцы ихъ, тоже пошли въ древній міръ, только въ свой собственный; взяли изъ отдаленнѣйшей старины историческія лица, жившія въ темныхъ преданіяхъ, и начали съ ними обращаться самымъ насильственнымъ образомъ, исказили ихъ съ головы до ногъ, наполнили голову и сердце какимъ-то вздоромъ, смѣло вышли съ ними на сцену, и зрители встрѣтили ихъ съ громкими рукоплесканіями. Какъ оскорбляется дѣлитель изящнаго, при видѣ Кія, Хорева, Синава, Трувора, возставшихъ изъ мрака вѣковъ, выведенныхъ на показъ XVIII столѣтію въ уродливой мозаикѣ: призракъ Греческаго духа, рыцарское великодушіе, утонченное чувство Французскаго придворнаго, пышная декламация на Русскомъ языкѣ, который накладывается на площадной разговоръ, сбиваясь по временамъ на Старославянское на-